

УДК 81'373

М. Г. Джисоева

**УНИВЕРСАЛЬНЫЙ И ИДИОЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ
ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ
С ИСПАНСКИМ (ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Необходимым компонентом описания лексики иностранного языка в целях преподавания является выявление универсальных и идиоэтнических компонентов языковой картины мира, которое в конечном итоге оказываются заложенными в лексической семантике. В настоящее время эту проблему активно исследуют В. М. Всеволодова [1], С. Г. Тер-Минасова [2], В. В. Красных [3], В. А. Маслова [4].

Новизна данного исследования заключается в следующем: 1) выявляются глубинные лингвистические процессы, лежащие в основе лингвокультурологических расхождений в картинах мира разных языков; 2) дается семасиологическая интерпретация выявленных различий в синхронии и отчасти в диахронии; 3) предлагается вариант разрешения противоречия между универсальностью и национальной специфичностью ядра лексико-семантической системы.

Цели работы:

- установить относительные границы между универсалиями и национально-специфичными и исторически специфичными реалиями;
- выявить и описать универсальный и идиоэтнический компоненты в картине времени русского языка в сравнении с испанским;
- предложить интерпретацию выявленных различий.

Материалом исследования послужили в основном ядерные единицы русского и испанского темпорального словаря; периферийные единицы привлекались к анализу в тех случаях, когда это было необходимо для выявления тех или иных закономерностей.

Теоретической основой статьи является следующее положение: существует значение, смысл и некий способ выражения; смысл — абстракция, то, что переводимо и передаваемо, значение же связано с определенными национальными формами хотя бы уже по тому, как оно членит действительность [5].

Наиболее употребительная лексика, составляющая ядро лексической системы языка, является наиболее универсальной, и в этом заключается один из главных парадоксов: функцией лексического ядра является обеспечение стабильности лексического состава языка на протяжении очень длительного времени, она обеспечивает самоидентификацию языка, и в то же время ядру принадлежат наиболее универсальные лексические единицы, также составляющие ядро лексической системы других языков. Так, очевидно, что в каждом языке есть лексические единицы для обозначения светлого и темного времени суток, природных сезонов и т. д. Скажем, лексические единицы *год, месяц, неделя* встречаются во всех словарях и не имеют разночтений или они минимальны. Как

правило, это свидетельствует о достаточной архаичности, они же наиболее полифункциональные, с максимальной сочетаемостью и минимальной интерпретацией. Из этого следует, что ядро должно было бы нивелировать национальную специфику, однако в этом случае оно не смогло бы выполнять своей функции обеспечения стабильности лексического состава языка. Статистически на периферии лексической системы находится гораздо большее количество лексических единиц, выявляющих идиоэтнический аспект лексической семантики данного языка. Каким же образом объясняется этот парадокс? Дело, видимо, в том, что кажущаяся “универсальность” лексических единиц ядра не является таковой по сути. Уже очень давно замечено, что в двух языках, даже близкородственных, практически не существует лексических единиц, абсолютно совпадающих в интерпретации смыслов, внутренних экстралингвистикой. Этот вопрос является принципиальным в прикладной (педагогической) модели языка. Общеизвестно, что среди способов семантизации лексики словарный перевод не является самым желательным. Словарный перевод заведомо элиминирует часть семантики соответствующего слова в изучаемом языке и, наоборот, может “навязывать” переносимые из родного языка семантические нюансы, коннотации, правила сочетаемости и т. д.

Продемонстрируем сказанное на примере анализа наиболее ядерных единиц русского и испанского темпорального словаря.

Выбранные для анализа единицы, с точки зрения их семантики, по-разному характеризуют время, или, точнее, характеризуют разное время. В связи с этим представляется необходимым и логичным выделение в данной группе единиц, описывающих измерение времени по календарю, по часам и функционально. Обоснования такого подхода предлагаются в работах [6], [7], [8].

Логично предположить, что и соответствующие лексические единицы испанского языка группируются подобным же образом, если исходить из положения об универсальности наполнения ядра лексико-семантической микросистемы. Вместе с тем, скорее всего, не будет прямых соответствий, так как уже было сказано о “расхождении” самого семантического (семиотического?) пространства, “обслуживаемого” данной лексической единицей, а также возможность “обслуживания” его же другими единицами. Таким образом, предстоит выяснить реальные соотношения темпоральных единиц двух языков и, таким образом, нюансы в членении временной концептуальной области.

Уже общим местом в лингводидактической литературе и излюбленным объектом авторов, описывающих этнокультурные различия в членении времени, стали различия в членении суток: В этом отношении испанский язык обнаруживает существенные отличия от русского. Совершенно очевидно, что перевод типа *утро* — *mañana*, *день* — *día*, *вечер* — *tarde*, *ночь* — *noche* в большинстве случаев неадекватен. Испанский день (светлое время суток) делится на две основные части — *mañana* и *tarde*. Середина дня (*mediodía*) соответствует 12 часам дня, после чего наступает *tarde*. Поэтому и соответствующие приветствия звучат как *¡Buenos días!* (*mañana* в приветствиях не используется) (до 12 часов) и *¡Buenas tardes!* (после 12). Для русского языка фраза *спокойной ночи* означает только

форму прощания при отходе ко сну, испанское же ¡*Buenas noches!* чаще служит формой приветствия, если диалог между собеседниками происходит примерно после 9 часов вечера. В обоих языках существуют “промежуточные” части суток, которые не используются в этикетных клише, однако используются для обозначения определенных отрезков времени и связаны с природным суточным циклом: *рассвет* — *amanecer* и *madrugada*, *закат* — *atardecer*. При этом *закат* и *рассвет* в русском языке связаны с движением солнца и сменой светлого и темного времени суток, в испанском же они только указывают на соответствующие ранние часы утра и вечера. Можно сказать, что *закат* и *рассвет* более связаны с природным временем, чем *amanecer* и *atardecer*. Заметим попутно, что *рассвет* и *amanecer* используются не только для обозначения начала светового дня, но и в значении начала жизни, деятельности и т. д. При этом русское *рассвет* в этом значении имеет антоним *закат*, испанское же *atardecer* в таком значении не употребляется. В испанском дне выделяется еще одна часть, которой русская языковая картина времени не знает. Речь идет о времени дня, называемом *siesta*. Это функциональное время, предусмотренное для послеобеденного отдыха, однако внутренняя форма его тесно связана со временем природным: в первом значении это полуденный зной.

Основной единицей измерения времени от ранних этапов развития человеческой культуры (и, соответственно, языка) был и остается по настоящее время день. Все названия дней недели обладают прозрачной внутренней формой, в них четко просматривается дохристианский и христианский слой. В членении недели русским языком наблюдается любопытная особенность: являются производными от числительных номинации только трех рабочих дней. Испанские номинации рабочих дней восходят к латыни, заимствовавшей их, в свою очередь, из греческого, и связаны они с названиями планет. Название же выходного дня этимологически совсем иное. Выделенность, отмеченность нерабочего дня тем не менее ясна. Сложнее объяснить, почему понедельник по аналогии с другими днями не назван, скажем, единичником. Видимо, это могло быть связано с восприятием понедельника как “тяжелого” дня (ср. у В. И. Даля: “*Понедельник* — *похмельник*”), об этом же свидетельствует испанское *lunes de zapatero*, возможно, перекликающееся с русским *пить* как *сапожник*. Не случайно само название первого рабочего дня производно от *недели*: по-недельник — “после недели”. В отличие от языческого счета дней недели от понедельника до воскресенья, церковный счет начинался с воскресенья. Аналогичную и вместе с тем иную ситуацию наблюдаем в испанском. *Domingo*, произошедшее от латинского *Dominica* — день Господа, с принятием христианства в Римской империи сменило языческий *Dies Solis*. Таким образом, и в русском, и в испанском церковная неделя начинается с воскресенья, а светская — с понедельника. При этом любопытно, что Словарь В. И. Даля дает следующие значения слова воскресенья: “*Восстание от мертвых, оживание, возрождение*” и только затем: “*Последний день седмицы, неделя, в знач. седьмого дня, праздника*” [9]. Испанские же словари XVIII-XX веков дают: “*El primer día de la semana, que está dedicado especialmente al Señor y a su culto*” [10], [11], [12], [13] и только словарь

Королевской Академии Наук 1992 г. предлагает следующее толкование: “*Séptimo día de la semana civil, primero de la litúrgica*” [14].

В русском языке несколько богаче, чем в испанском, представлены дериваты от соответствующих слов. При этом можно заметить, что, например, имена прилагательные в русском языке образуются не от всех названий дней недели. В современном русском языке это только *субботный* и *воскресный*, тогда как Словарем В. И. Даля зафиксировано еще и *пятничный*. Причем семантика *воскресного* гораздо более нагружена, чем *субботного*: *воскресные школы, воскресное платье, воскресная служба*. *Субботный* же практически не дает фразеологизированных словосочетаний. Испанский язык в этом смысле еще более категоричен: “полноценное” прилагательное (не по модели *de lunes*, как в словосочетании *la tarde de lunes*) образуется только от *domingo*: *dominguero (traje dominguero)*.

Кроме общего названия семидневного цикла (рус. *неделя*; исп. *semana*) существуют также слова, которые являются как бы “родовыми” по отношению к названиям дней недели. Это *день* и *сутки*. И если под слово *день* (исп. *día*) подводится одно и то же понятие, то со словом *сутки* дело обстоит сложнее. Прежде всего, в русском языке существует, а в испанском не существует представления о сутках как о чем-то едином и целостном. Например, в русском языке для того, чтобы подчеркнуть целостность суток, используется словосочетание *круглые сутки*, с которым соотносятся прилагательное *круглосуточный* и наречие *круглосуточно*. В русском языке образуется словосочетание *круглый год*, прилагательное *круглогодичный* и наречие *круглогодично*. В русском языке, таким образом, подчеркивается цикличность суток и года. Кроме того, в русском языке больше ни одна из номинаций недельного цикла не образует сочетания со словом *круглый*, тогда как со словами *весь, целый* они вполне возможны и корректны (ср.: *круглые сутки* при невозможности **круглая неделя*). Хотя *неделя*, так же, как и *месяц*, представляет собой временной цикл, однако словосочетание со словом *круглый* образуют только *сутки* и *год*. Это объясняется тем, что речь, очевидно, идет о разных циклах: *неделя, месяц, день* — циклы календарные; *сутки, год* — циклы природные. Никаких природных изменений по истечении, скажем, недели или месяца не наблюдается. Поэтому они и не воспринимаются национальным сознанием как “круг” бытия. Поскольку в соотносительных испанских номинациях отсутствует идея цикличности, или круговорота, все они могут использоваться в словосочетаниях типа *durante todo el día, durante todo el año* или *todo el día, todo el año*. Однако нам удалось обнаружить один факт, противоречащий вышесказанному или, по крайней мере, ставящий под сомнение его категоричность. Испанское *siglo*, восходит к латинскому *saeculum* и далее с очевидностью к греческому циклу, то есть к тому же кругу. Трудно сказать, почему именно столетие выбирается в качестве такого круга, однако очевидно, что русский язык, в отличие от испанского, оперирует менее продолжительными циклами.

Следующая группа, доминантой в которой является семема *год*, выделена нами по формальному признаку “календарный”. Она могла бы быть отнесена к группе слов, обозначающих функциональное время. Однако семемы *год, век*,

столетие являются все же более “привязанными” к счету времени по календарю, чем, скажем, *тридцатилетие* или *семидесятипятилетие*. Характерной особенностью испанского года, отличающей его от русского, является то, что он начинается не с 1 января, а сразу же после Рождества. Проблематичным является также разграничение конкурирующих семем *век* и *столетие*, которые обычно представляются словарями как синонимичные. Однако каждый из показателей времени по-своему передает восприятие и переживание времени субъектом речи. Анализ сочетаемости слов *век* и *столетие* показывает, что она практически одинакова во всех контекстах. Нельзя, однако, не обратить внимание на некоторую ограниченность функционирования слова *век* в контекстах, где эксплицитно или имплицитно выражена произвольность точки отсчета (ср.: *Это произошло только через столетие* и плохо **Это произошло только через век*). Это говорит о большей “календарности” *века* по сравнению со *столетием*. Похожая ситуация в испанском. Примечательно, что для описания периода времени связанного с чем-либо или отмеченного каким-либо событием, явлением оба языка выбирают *век*, а не *столетие*: *век Просвещения* — *El Siglo de las Luces*, *железный век* — *el siglo de hierro*.

Под функциональными единицами измерения времени мы будем понимать слова, не имеющие прямого отношения к измерению времени по календарю, но являющиеся производными от таких слов и используемые для счета времени. Такие единицы производны от слов *день* и *год* и построены по одной и той же словообразовательной модели: “числительное + аффиксид -*дневка* / -*летие*”. Первые обозначают промежуток времени в некоторое количество дней, вторые — промежуток времени в некоторое количество лет, так же, как, скажем, *неделя* или *век*. Анализ выявляет существенные различия в сочетаемостных свойствах семем, принадлежащих к этим группам. Семемы *год*, *месяц*, *неделя*, *сутки*, *день*, являясь календарными единицами, указывают на регулярную повторяемость, что не всегда можно сказать о *декаде*, *пятнадцатидневке*, *двадцатипятилетии*. Регулярная повторяемость порождает представление о “текущести” времени, динамичности, пусть и циклической. *Декады*, *пятнадцатидневки*, *двадцатипятилетия* внутренне статичны, лишены процессуальности. Они могут осмысляться как нечто динамическое только в том случае, если присутствует указание на заполняющие их события. В испанском языке существует аналогичная подсистема, однако она включает меньшее количество единиц и ограничивается только самыми концептуальными. В качестве таковых язык выбирает 4 и 5 лет и производные от них существительные: *cuarentenario* (*пятидесятилетие*), *lustro* (*пятилетие*), *quinquenio* (*пятилетка*) и *cuarentena*, причем последнее может обозначать промежуток времени в 4 дня, месяца и года. Здесь следует упомянуть другую особенность, не имеющую аналогии в русском языке. При обозначении возраста человека однословные обозначения используются чаще, чем при обозначении годовщин и юбилеев. *Cuarentón* — человек в возрасте от 40 до 49 лет, *cinquentón* — от 50 до 59 лет и т. д. Примечательно, что такие номинации существуют только для обозначения людей после сорока лет. Сам суффикс -*ón*-, имеющий усилительное значение, видимо, не позволяет интерпретировать та-

ким образом номинации людей более молодого возраста.

Одной из самых малочисленных, но и обладающих наиболее четкой иерархией, является группа слов, обозначающих измерение времени по часам: *час, минута, секунда*. Поскольку подробное членение времени появилось довольно поздно, многие языки заимствовали понятия минуты и секунды вместе с их латинскими названиями. В русском языке *минута* и *секунда* органично “вписались” в систему единиц измерения времени. Свидетельством этого является наличие у *минуты* словообразовательной парадигмы (*минутный, ежеминутно, поминутно*). Второе значение минуты и секунды как коротких промежутков времени известно и русскому, и испанскому языкам. Как и в русском, в испанском он может обозначаться словами *minuto, minutito, segundo, segundo*, но предпочтение отдается словам *momento, momentito*. Уникальна единица *rato*, не имеющая однословного эквивалента в русском языке. Это промежуток времени, обычно короткий, особенно в уменьшительной форме *ratito*, но может обозначать и длительный при наличии соответствующего прилагательного: *largo rato*. Без прилагательного он используется как эквивалент словосочетания *какое-то время*: *Estoy esperandote ya hace rato*.

Выводы: рассмотренные нами фрагменты темпорального словаря русского и испанского языков обнаруживают культурно значимые различия в членении времени. Среди таких различий отметим: 1) неодинаковое членение суток и связанные с этим различия в этикетных клише приветствия и прощания; 2) неодинаковое отношение к природным и календарным циклам, что выражается в наличии идеи цикличности у русских номинаций сутки и год и у испанского *siglo*; 3) концептуальность только определенных числительных в испанском языке, следствием чего является супплетивное образование номинаций промежутков времени в некоторое количество лет и отсутствие таковой в русском языке; 4) наличие однословных номинаций возраста человека в зависимости от количества лет в испанском языке и отсутствие таковых в русском; 5) расхождения в использовании номинаций коротких отрезков времени. Выявленные и описанные различия позволяют сделать заключение о мнимой универсальности лексического состава ядра временной лексической микросистемы и о необходимости дальнейшего его изучения и описания в целях преподавания русского языка как иностранного.

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. — М.: Издательство МГУ, 2000. — 502 с.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово / Slovo. — 2000. — 624 с.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
4. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. — М.: Наследие, 1997. — 207 с.

5. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. — Л.: Наука, 1978. — 173 с.
6. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — М.: Издательство политической литературы, 1986. — 398 с.
7. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. — Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. — 224 с.
8. Джиоева М. Г. Вычленение и квалификация лексической микросистемы “время” // Ученые записки ТНУ. — 2001. — Т. 14 (53), №1 Филология. — С. 29-35.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1978-1980.
10. Diccionario de la lengua castellana. Compuesto por la Real Academia Española. Tomo tercero. — Madrid: Real Academia Española, 1732.
11. Diccionario de la lengua castellana. Segunda ediciyn. — Madrid: Real Academia Española, 1783.
12. Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española. Octava edición. — Madrid: Real Academia Española, 1837.
13. Diccionario de la lengua castellana. Decimocuarta edición — Madrid: Real Academia Española, 1914.
14. Diccionario de la lengua Española. Vigésima primera edición. — Madrid: Espasa — Calpe, 1992.
15. Словарь русского языка. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — В 4 т. — М.: Русский язык, 1981–1984.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2004 г.

УДК 81'373.612.2

Н. В. Солодовникова

ПРИРОДА КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (культурологический аспект)

Актуальность исследования. По словам Г. Г. Почепцова, современную эпоху в развитии цивилизации справедливо называют информационной. “Новый статус информации в нашем обществе — это сильнодействующее средство, для которого нет пределов” [10; 9]. Этим, возможно, объясняется все возрастающий интерес к языку современных СМИ и к политической метафоре как к одному из средств выражения мысли и одновременно способу воздействия на читателя.

В своем исследовании мы опираемся на работы известных лингвистов: А. П. Чудинова, Г. Я. Солганика, Г. Г. Почепцова, В. М. Шаклеина, Ю. Д. Апресяна, А. Домассио и других.